Игорь БАХТИН

Стечение обстоятельств

Рассказ

Под утро Фёдору снился сон с запахом малинового варенья. Он видел себя на даче пятилетним мальчиком. Молодая бабушка Варя, у ног которой вертелась кошка Матрона, варила в медном тазике малиновое варенье, а он, болтая ножками, сидел на высоком стуле и вымакивал с блюдца сладкую пенку домашней ватрушкой.

Будильник вдребезги разбил счастливую тишину. Сон зашатался, исчез запах, картинка треснула, пазлами осыпалась в дымный, бешено крутящийся перевёрнутый конус чёрного омута. Не открывая глаз, Фёдор нащупал кнопку будильника.

Он расслабленно лежал в дрёме в тщетной надежде увидеть продолжение сна, но видел только летающие чёрные пятна. И тут над головой вначале взвизгнул, а после, взвывая, деловито постукивая на низких частотах, забурчал перфоратор. Фёдор резко приподнял голову, застонал, ощутив тупую боль в затылке.

«Тварь, сволочь, дятел, – обессиленно падая на подушку, проговорил он. – Дятел! Ни выходных, ни праздников, ни будней! Дебил! Год долбит и долбит, когда ему приспичит. И никому не открывает дверь, неуловимый Джо».

Пытаться подремать было бессмысленно. Настроение была испорчено. Он сел на край кровати, пошарил ногами по полу, нашёл левый тапочек, правого не было. «Харлей. Кто ещё? – констатировал он раздражённо и в одном тапочке вышел в прихожую. Бульдожка лежал у входной двери на своей подстилке, положив морду на обслюнявленный жёваный тапочек.

– Ну, и обсос же ты, красноглазый, – с приступом отвращения к похрюкивающей собаке, пробормотал Фёдор.

Не прибавил ему настроения и таракан, которого он прихлопнул в туалете. Он хмуро усмехнулся: «Тараканы решили эмигрировать. Не вынесли перфораторной долбёжки». В ванной его ждал очередной заряд раздражения: кто-то (кто же, как ни Дениска!) оставил рычаг смесителя в положении «душ» и его окатило горячей водой.

Мрачнея, он почистил зубы и, пройдя к кухне, стал в дверном проёме. Ни жена, ни Денис с ним не поздоровались. Сын смотрел телевизор, где бесновались какие-то рогатые чудища, жена варила кашу.

– Денис, сколько раз можно тебе говорить, чтобы ты душ переключал? – строго сказал Фёдор.

– Не кричи, – в голосе жены слышались нотки зарождающегося крика.

– Я не кричу, я чуть кипятком не обварился…

– Что у тебя за дурацкая манера открывать сначала кран горячей воды?

– А какой нужно первым открывать? – стал закипать Фёдор, резко поднимая голову вверх: над потолком, дробно застучал перфоратор. «Дебил, тварюга», – процедил он сквозь зубы и раздражённо продолжил: – Типа, холодную будет правильнее открывать, да, Тань?

– Типа того. По крайней мере, безопасней будет, – ответила жена, и неожиданно швырнула ложку на стол.

– Ты ребёнком совсем перестал заниматься, Федя!

Фёдор глянул на сына, вяло прожёвывающего сосиску.

– Что?

– Да то! Он в «помойке» всю ночь ковырялся. Его комп под «родительским контролем», только на два часа заряжен, не наигрался, видно. Теперь, видишь, спит на ходу. Какая учёба в голову ему теперь полезет? Слямзил наш ноутбук, когда мы заснули. Под утро, наверное, обессилел, бросил его на полу, программы забыл закрыть. Загляни в журнал, полюбуйся, чем он интересовался.

Фёдор сел на табурет, уставился в ноутбук, быстро пробежал по клавишам. Оторвав взгляд от экрана, ошарашенно выдохнул: «Твою…»

– И твою и мою и эту как её… индийскую матерь мира, – кивнула головой жена.

– Как пароль узнал? – повернулся к сыну Фёдор.

– Мог взломать, – ответила за него жена, – они сейчас все хакеры. Хотя… куда ему троечнику, подглядел, скорей. Наш пострел везде поспел.

– Пароль хорошо запомнил? – еле сдерживаясь, спросил у сына Фёдор.

– Запомнил, – пробурчал Денис.

– Ну, и какой?

– Маркополо, – промямлил Денис.

– И кто он, этот «Маркополо» по-твоему? – ядовито усмехнулся Фёдор.

– Футболист какой-то.

– Практически Аршавин! – закричал Фёдор. – Вот это видел?

Он ткнул под нос сыну кукиш.

– Хорошо запомни этот пароль. Месяц без компа. Я сегодня же платы повыдёргиваю. Два месяца без Макдональдса и кинотеатра, читаешь «Три мушкетёра» по две главы в день. По пять! Рассказываешь мне. Отжимаешься от пола на пять раз больше, чем обычно. И ещё: берёшь энциклопедию и выписываешь слово в слово всё, что там написано про Марко Поло… десять раз.

– Папа, – в глазах Дениса стояли слёзы.

– Ты на досуге, ещё глянь, в какие он игры играет. Машины в хлам, кровища… типа – оторви ему яйца, Сэм, – произнесла жена.

– Мам! – жалобно всхлипнул Денис.

– Стервец! На волейбол ходить бросил, дзюдо – больно, шахматы – думать надо. Я в твои годы стометровку за тринадцать секунд пробегал, – взревел Фёдор.

Он вышел в прихожую и стал одеваться.

Пробурчав в спину мужа: «Формалист», Татьяна крикнула ему из кухни:

– Кашу есть будешь?

– А колбасы нет?

– Была. Сынок ночью всю слопал. На холодильник пароль не приспособишь.

– На работе поем, – Фёдор, взялся за ручку двери, но остановился. Он вспомнил сон, улыбку бабушки, запах варенья.

– Тань, я сегодня во сне бабулю видел. К чему бы это? – спросил он.

– Ты на кладбище когда в последний раз был? – жена выглянула из кухни.

Фёдор задумчиво потоптался, опустил голову и вышел за дверь.

* * *

В лифте он ехал с длинноволосым угреватым парнем в наушниках, усатой бабушкой с собакой, похожей на неё, небритым верзилой с онемевшим лицом, и миловидной девушкой. Пожёвывая жвачку, она смотрела в телефон, с застывшим на лице широкоформатным «фи». Крепкий парфюм девушки был не в силах перебить запах перегара верзилы.

Морозило основательно. Машины были присыпаны снегом, рядом с его машиной разогревался здоровенный чёрный джип, со знаком «У» на заднем стекле. Юная хозяйка дорогого «коня» с непокрытой головой и сигаретой во рту счищала снег с крыши джипа, отбрасывая на его машину. Одета она была по-весеннему: в короткой распахнутой шубке, тонкая кофточка, между низом которой и поясом джинсов сияла вентиляционная полоска голого живота, – заставили Фёдора зябко поёжиться. «Нормально», – пробормотал он, нажимая на пульт. Его «Соната» тявкнула, моргнув фарами, но девушка не обратила на это никакого внимания, она продолжала скидывать снег на его машину.

– Вы и мою машину после будете чистить? – улыбаясь, спросил Фёдор, подойдя к машине.

Девушку будто парализовало. Она смотрела на него непонимающе, длилось это несколько мгновений. Лицо её исказилось, как от зубной боли, и она назидательным тоном выдала:

– Научитесь по-человечески парковаться. Прижались к моей машине так, что мне через правую дверь пришлось влезать.

Фёдор выразительно глянул в глаза девушки, сказав про себя: «Поздравляю вас, миледи, совравши!».

Вчера вечером, когда он здесь парковался, справа от него стояла «шестёрка», слева «Опель». Парковался он, позаботясь о соседях, с хорошим зазором. Джип девушки стоял сейчас на месте уехавшего «Опеля».

Фёдор ничего ей больше не сказал.

«Столкнись с такой дурой на дороге – мало не покажется. Орать будет, как резаная. Профессионалка! Почему этим дурам непременно нужно сразу садиться за руль джипов? Чтобы наверняка людей сшибать на остановках автобусов? Нет чтобы на малолитражке выучиться ездить… – думал он, разогревая машину и наблюдая за девушкой. Она теперь сидела в машине и, смеясь, говорила по телефону.

Через пару минут Фёдор уже плёлся в длиннющей пробке. Девятый час утра был на исходе, погода была мрачная, ещё тускло горели фонари, день, казалось, не хотел участвовать в своей вечной работе. На дороге расползалась сероватая жижа, машины были грязными, запотевшими. Наглые азиаты на маршрутках использовали все способы, чтобы вырваться из пробки: шуровали по тротуарам, выезжали на «встречку». Вдоль проспекта стояли голосующие люди, маршрутки резво «ныряли» к ним, останавливаясь, лукаво включая «аварийку».

Фёдора затёрли в правый ряд, он ругался.

В левый ряд было не попасть. Водители мужчины смотрели вперёд, делая вид, что ничего не замечают, дамы говорили по телефону. Наконец удалось влезть в левый ряд, благодаря той самой «миледи» на джипе, попрекавшей его недавно в неумении парковаться. Она «вовремя» въехала в зад маршрутке, в очередной раз резко остановившейся у ног голосующего клиента. Все стали объезжать «попавшуюся» пару, левому ряду пришлось неохотно пропускать правый ряд.

Когда поехали живее, он закурил, включил радио и попал на радиостанцию «Эхо Петербурга». Известные оппозиционеры смело рассуждали о диктате Кремля, о зажиме оппозиционного движения и свободы слова в стране. Фёдор хмыкнул: «В либеральном болоте громче всех квакает лягушка, у которой есть своя кувшинка. А когда кувшинка «Газпромовская» – можно квакать на всё болото, не боясь так называемого диктата Кремля».

Он переключил радио на другую станцию. Диктор с заметными радостными интонациями, со странным воодушевлением в голосе тараторил об масштабных хищениях в Министерстве обороны. Он перечислял миллионы, миллиарды, уведённые коррупционерами, говорил о неимоверном количестве драгоценностей, антиквариата, обнаруженных при обыске в квартирах высокопоставленных господ из этого ведомства, об их участках, усадьбах, дачах, квартирах.

«Скоты! – прошептал Фёдор. – Хозяева! Ведут себя, как баре среди холопов, будто царь поставил их на окормление. К стенке гадов ставить, как в Китае, отобрать награбленное, да нет же – замылят дело, отпустят под залог, дабы товарищи-казнокрады в любимый Лондон могли уехать, отдохнуть от трудов праведных. «Усатый» всё до последней копейки с них вытряс бы, а потом Ежову отдал бы позабавиться. Бабуля моя покойная не зря при Ельцине твердила: «Только массовые расстрелы спасут страну». Надо же, у какой-то шалашовки миллионы в тумбочке лежат на карманные расходы! А мне, переводчику, выпускнику настоящего, не липового университета, с тремя иностранными языками, два неуча-торгаша решили, что хватит и сорока тысяч».

Он переключил на станцию, передающую джазовую музыку, а мысли его резко скакнули на личные обстоятельства. Сегодня у него должен был состояться важный разговор с директоратом фирмы, братьями-близнецами Петуховыми по поводу повышения зарплаты.

Фирма торговала мелкой бытовой техникой под своей торговой маркой, техника делалась на китайских заводах. В этой «шараге» Фёдор работал переводчиком. Все дела с поставщиками китайцами велись на английском языке и этим до недавнего времени занимались трое переводчиков; кроме всего нужно было переводить инструкции, сертификаты, оформлять разные документы, ездить в сертификационные ведомства.

Два месяца назад одного переводчика сократили, через месяц сократили ещё одного, и ему пришлось работать за себя и «за того парня», и даже брать переводы домой. Через пару недель он «забастовал» и потребовал прибавления зарплаты, сказав начальству, что его устроила бы зарплата в пятьдесят пять тысяч. Братья сразу не отказали, думали день, и предложили издевательский вариант: они прибавят к его сорокатысячной зарплате три тысячи, а ему найдут помощницу, студенточку вуза, которую он «между делом» обучит. Фёдора на эту наглость расхохотался им в лицо и поставил вопрос ребром: пятьдесят пять тысяч или он уходит.

Братья обиделись. Стали рассказывать о японских кружках качества, в которые люди ходили после работы бесплатно. Фёдор стоял на своём: пятьдесят пять тысяч – и он работает дальше, безо всяких помощниц. Тяжба эта должна была разрешиться сегодня.

Припарковаться удалось недалеко от бизнес-центра. Издалека он увидел у здания необычно большое скопление людей. Было много милиции, машин с включёнными мигалками, стояли даже пожарные машины и «неотложки». Он отыскал в толпе программиста Алексея. Здороваясь с ним, унюхал неистребимый запах коньяка, который не побеждал запах мускатного ореха. Тридцатипятилетний скиталец Алексей родился и жил в Узбекистане, успел поработать в Пакистане и Америке. Решив осесть в России, он женился на девушке из Архангельска, у них был ребёнок. Они с женой мыкались по съёмным квартирам, гражданство ему до сих пор пока не дали – мурыжили чиновники.

– Что там такое? – спросил у него Фёдор, закуривая.

– Ты не поверишь! Бомбу ищут, – ухмыльнулся Алексей, – обнаружен исламский след покойного Бен Ладена. Какой-то бдительный товарищ в полицию сообщил. Наверное, какой-нибудь уволенный акулами бизнеса решил лавочникам отомстить.

Фёдор окинул взглядом толпу людей – тревоги и страха не наблюдалось. Раздражение встречалось, но лица в большинстве своём были равнодушны, как у людей, вынужденно стоящих в очереди за каким-то обыденным товаром, встречались и весёлые лица. Люди курили, беседовали, некоторые прикладывались к банкам с пивом и джин-тоником. Две немолодые женщины справа от него обсуждали перипетии сюжета телевизионного сериала. Парень слева рассказывал товарищу о ночи, проведённой в ночном клубе.

Бомбу не нашли. В офисы народ попал только к одиннадцати. Через некоторое время в тесную комнату без кондиционера, в которой работал Фёдор, вошёл хозяйский холуй, по совместительству секретарь и курьер, молодой, хипстерского вида худосочный парень с серьгой в правом ухе. Алексей с ним не ладил, прозвал «вертухаем» и подкалывал по любому поводу.

Деловито захлопав в ладони, парень лирическим тенором почти пропел, глиссандируя к высоким тонам: «Господа! В связи с неожиданным форс-мажором, задержавшим рабочий процесс, поступил приказ начальства: сегодня работаем до семи вечера».

Алексей сел к компьютеру, посмотрев по сторонам, приложился к плоской фляжке и бросил ему угрюмо:

– Скоро ты, как халдеи в американских фильмах, станешь говорить нам: «Move, move, move!».

Он повернулся к Фёдору и громко заключил:

– Расслабленный мир, дядя Фёдор, истомлённый айфонами и пакетиками с супом быстрого приготовления, перестал думать. И им, как пьяной слабой женщиной, овладели акулы капитала, рыбы-прилипалы, и педерасты. Но дерево ярости медленно зреет и оно растёт. Как растёт дерево, люди не замечают, но когда оно вырастет, им придётся задрать голову и взглянуть на небо, но это уже не принесёт им спасения. Им придётся с мистическим ужасом взирать в грозную бездну.

Глотнув ещё из фляжки, он стал играть в «Тетрис».

– Ты поэт, – улыбнулся Фёдор, включая компьютер. – Вестник бури. Но бури, Лёха, долго не будет. Не случится пока ситуации, люди задействованы в гонке за хлебами земными. Вот когда хлебов не станет…

– Апостолов было всего двенадцать, а четверо из них были простыми рыбаками. Когда к ним примкнули миллионы, они победили, – возразил Алексей.

– У них Учитель был, – сказал Фёдор.

К начальству он пошёл после обеда. Братья были похожи на только что отобедавших довольных котов, которых тянет в сон. Встретили они его с притворным радушием, предложили кофе, от которого он отказался.

Вытерев лоснящиеся, влажные губы платком, бегая глазками-маслинами, первым заговорил Леонид Яковлевич.

– К большому сожалению, Фёдор Васильевич, нам не удалось изыскать возможность прибавки к вашей зарплате. Положение фирмы шаткое, мы несём убытки. Поэтому, простите, вам решать – остаться работать на прежних условиях или же подыскивать работу, которая бы удовлетворяла ваши материальные запросы.

Пристально разглядывая лица братьев, Фёдор неожиданно заметил то, чего раньше не замечал: хрящистые их носы были чуть искривлены в разные стороны. И родинка у одного красовалась на правой щеке, а у другого – на левой.

«Надо же, Господь, вдохнув в возлюбленных близнецов жизнь, позаботился и о том, чтобы люди могли их различать!» – подумалось ему.

Затянувшаяся пауза заставила братьев переглянуться. Они заметно взволновались.

Фёдор сглотнул комок, подступивший к горлу и, сдерживая подступающее бешенство, проговорил развязно:

– Таки я буду неизмеримо рад получить полный расчёт, господа Петуховы.

Рука Леонида Яковлевича нырнула в стол и появилась с конвертом. «На опережение работают, всё оговорили братики. Догадывались, что я не поведусь на их зехеры», – злобно сверкнул глазами Фёдор.

– Тут полный расчёт, с учётом переработок, – вяло промямлил Леонид Яковлевич, а Давид Яковлевич добавил: – Не обижайтесь, Фёдор Васильевич. Ничего личного – это просто бизнес.

– Просто бизнес часто завершается прекрасным видом на Неву из-за тюремной решётки, – Фёдор грубо цапнул конверт из коротенькой ручки Леонида Яковлевича и небрежно сунул его в задний карман брюк. Братья промолчали.

Алексей знал о тяжбе Фёдора с начальством и ожидал его. Он оторвался от экрана, бросил на него быстрый взгляд:

– What?

Фёдор достал из кармана конверт, покрутил им в воздухе.

– Подлючий и жадный народец. Припечатано древней историей про тридцать три сребреника, – глухо произнёс Алексей в очередной раз прикладываясь к фляге.

С «учётом» переработок в конверте было сорок девять тысяч четыреста двадцать семь рублей. Прошептав: «Калькуляторщики», Фёдор в очередной раз выругался.

– Вообще-то неплохо было бы, брат, отметить день рождения ещё одного непримиримого врага капитала. Как ты, дядя Фёдор, по поводу авторизации? – сказал Алексей, когда они вышли в восьмом часу из офиса и закурили.

– Я в этой ипостаси, Лёха, уже несколько раз рождался, так и не став Робин Гудом. Да и за рулём я, – ответил Фёдор, подсчитывая в голове завтрашние траты, которые, по всему, должны были съесть все полученные сегодня деньги.

– Откровенный мужской разговор – это всё, что осталось у нашего народа. Пиво и душевный разговор – лучший психотерапевт, – назидательно сказал Алексей.

Фёдор отрешенно махнул рукой.

– Поехали. А ещё, говорят, неплохо лечит работа на рудниках, желательно в кандалах.

Домой Фёдор не стал звонить, машину оставил на стоянке.

В забитом шумными компаниями баре (был футбольный день) пристроиться удалось в дальнем тёмном закутке.

Девушки визжали, парни орали, дым стоял коромыслом, у Фёдора стала болеть голова. Наблюдая за этой околофутбольной оргией, он думал о том, что этот некий новый вид коллективного времяпровождения с непременным пивом, календарно связанный с футбольными днями, на самом деле вид современной зависимости, которую бизнес успешно навязывает, пропагандирует и холит.

Между первой и второй кружкой позвонила жена. Фёдор сказал, что чествуют в офисе юбиляра. Выдержав долгую паузу, Таня язвительно сказала: «Жди «хорошего»», и отключилась.

Алексей сел на своего конька: масоны, мировое правительство, секты, глобализм, саентология, заговоры, протоколы сионских мудрецов, власть хазар, крах капитализма. Они перестали поглядывать в телевизор, пили пиво, курили, беседовали. «Зенит» проигрывал.

Откуда-то появившийся лупатый «качок» с детской чёлкой на лбу присел без приглашения за их стол и, буравя друзей глазами, прогундосил:

– Здесь, между прочим, болеют за «Зенит».

– Мы это видим, – хмыкнул Алексей.

Кажется, ответ был неправильным – «качок» напрягся, стал разбухать.

Толкнув локтем в бок, чуть не поперхнувшегося пивом Фёдора, указывая рукой на «качка», Алексей, улыбаясь, сказал:

– Инкуб.

– Чё? – хрустнув шеей, вытаращил глаза фанат «Зенита».

– Я ему сказал, что ты фанат футбольный. Это на их фене. Товарищ не рубит по-русски. Он филистимлянин с острова Пасхи. Гость наш. В России первый раз. Ему переводить приходится.

– Ты ему скажи, что здесь болеют за «Зенит», – расслабленно осел фанат.

Алексей повернулся к Фёдору и произнёс какую-то абракадабру на английском со словом «Зенит», а Фёдор, подхватил его игру, с серьёзным видом, уважительно цокая языком, воскликнул:

– Вау! О, ес, ес! «Зэн-ни-и-т»! Вери, вери гуд! Супер!

Лицо «инкуба», стало молодеть, превращаясь в мордашку довольного ребёнка, получившего конфету.

– Я пивка сейчас принесу, – бросил он.

С болельщиком выпили ещё по две кружки за его счёт.

На улице накопленный смех вырвался наружу, как истомлённое шампанское из тёплой бутылки. Досмеяться вволю им не дал полицейский патруль. Бурые от мороза лица полицейских, были похожи на морды голодных охотничьих псов, Фёдору казалось, что ноздри их подрагивают, и они голодно принюхиваются. Он предъявил права, Алексей – просроченную справку о регистрации. Бегло просмотрев документы, полицейский вернул права Фёдору, открыл рот, чтобы что-то сказать Алексею, но тот опередил его, ёрнически произнеся:

– Нужно проехать в отдел, для выяснения личности.

Полицай крякнул удивлённо, быстро глянул на своих коллег.

– Вот, дядя Фёдор, я тебе уже говорил, что инкубы оккупировали города, – сказал Алексей и повернулся к полицейскому: – Старшой, умоляю, не лепи горбатого. Мы ж не гастарбайтеры. Дадим пятихатку, довезите, служивые, нас с другом до метро.

В воронке было холодно, полицейские слушали Михаила Круга, курили. В метро друзья, крепко обнявшись, распрощались – они ехали в разные стороны.

Дорога к дому шла на подъём, было скользко, и Фёдор решил идти через дворы – так было ближе. Неожиданно, будто по приказу, пошёл крупный пушистый снег, ветер стих, стало теплее.

Он шёл медленно, вспоминая все перипетии сегодняшнего дня, чувствуя, как подступает тяжёлое тоскливое состояние, переходящее в гадостное неосознанное мучительное чувство, будто он сделал что-то непотребное, стыдное, преступное, но конкретика не выплывала. Где-то глубоко в тёмной дыре, спрятанный в лабиринтах подсознания слабо мерцал этот маячок, посылая тревожные сигналы, которые пока не доходили до центров расшифровки. Эти сигналы порождали неосознанный страх. Фёдор стал трезветь.

«Ну, день, как день, – думал он, – не хуже и не лучше других дней. С некоторыми, конечно, вариациями. Утро, друг-перфоратор над головой, дорога, пробка, офис, скорбящие морды Петуховых, бар, менты, метро, ночь, дорога домой. Одна из комбинаций дней жизни. Следующая комбинация, уже не раз повторялась. Она наступит завтра: поиски нового места работы, интернет, рассылка резюме, встречи с хитромудрыми работодателями. Буду переводить на новом месте или инструкции плееров, чайников, тостеров и кофеварок, спецификации оборудования подводных лодок для индийцев, или памятки по употреблению лекарств. Будут уикенды, субботы, праздники, воскресенья и однообразные будни, офис, комп, словари, Петуховы в разном обличье, они могут быть Ахмедовыми, Георгадзе, Ивановыми, Петровыми, Лифшицами и даже Абу Нассерами. В январе сатурналии, в мае – рассада. В августе турецкая или египетская неделя, если там новых революций не будет. Потом снова комп, словари, офис, Петуховы… ».

Неожиданно невидимый компьютер среди множества фраз выделил его фразу «одна из комбинаций дней жизни» и ясный голос произнёс: «Не жизни – ежедневного переворачивания песочных часов. И в часах этих количества жизни-песка с каждым переворотом незримо уменьшается; дни, сутки, года становятся короче, это только кажется, что в сутках по-прежнему 24 часа. Однажды песок в этих часах с дыркой закончится и время остановится».

Он остановился, громко проговорив: «Да, что ж так тяжко-то, Господи?». Закурив, он поднял голову, глянул на беззвёздное небо, шепча:

«Какие они, звёзды? Всё вниз смотрим, вниз. Факап подобрался незаметно, всё позади. В офисе будут коллеги-пофигисты, скучные разговоры о кредитах, политике, о всякой белиберде. Зачем я читал Драйзера и Диккенса на языке авторов, зачем долбил латынь, науки, осваивал языки? Время стало не горячим, не желанным, не хочется в нём задерживаться, остановиться, полюбоваться секундами бытия, ни на чём не задерживаются с удовольствием глаза. Если бы были на самом деле круги сансары, и можно было бы попросить того, кто этим заведует, исполнить желание, я бы попросил, чтобы меня сделали опять пятилетним мальчиком Федей, а жизни я испросил бы себе в этой другой жизни только до одиннадцати, нет, пожалуй, до десяти. После я согласился бы стать червяком, ежом или прорабом. Зачем доживать до разочарований в людях и жизни? Ничего! Ничего уже не возгорится. Костёр угасает. А горел ли он? Что-то не припомню…».

Он брёл к дому, безвольно опустив голову.

Из припаркованной у тротуара «девятки» с тёмными стёклами к нему метнулись две тени. Резкий рывок за руки, разворот, болезненный тычок лицом в крышу машины, нож у горла, хрип: «Тихо! Не рыпайся, жив будешь». Пуговицы пальто полетали в снег, быстрые руки бесцеремонно обшарили карманы, разворот за волосы, удар чуть пониже шеи, рёв дырявого глушителя.

Когда он, застонав, поднялся с земли, и с вялой надеждой залез в карман, в котором лежал бумажник, понимая, что его там быть не может, то осознал и «приятное»: в бумажнике кроме денег лежали права и техпаспорт, после пришла и ещё более «приятная» мысль: завтра срок очередной выплаты кредита за машину.

Трясущимися руками он закурил, поднял голову к небу, кисло улыбнулся.

– Привет, Боже. У тебя случился сбой компьютера или всё идёт по плану? Ты меня ни с кем не спутал – это мой сюжет?

Ветер разогнал облака, в очистившейся вышине светила, помаргивая, одинокая звезда. Фёдор смотрел в небо, будто ждал ответа. Небо молчало и он, проговорив: «Связь с небом никудышная», – массируя шею, продолжил путь, но почувствовав какой-то скрытый страх, замедлил шаг. Оставалось перейти проспект, за ним светились окна его дома. Остановившись, он оглянулся: десятки одинаковых двадцатипятиэтажных домов щурились светящимися окнами позади него и с боков. Ему стало казаться, что он стоит в центре пятачка, окружён домами-монстрами, от них исходит тяжелая злобная энергия, а дома бесшумно сдвигаются, сжимают пространство, в котором он, одинокий и беззащитный, стоит, дрожа.

«Нужно идти, нужно, нужно…» – прошептал он, тряхнул головой, прогоняя наваждение, и перешёл проспект.

Дома, заворчав недовольно, вернулись на свои места.

Дверь ему открыла жена, она говорила по телефону. Сказав в трубку: «Натуля, секунду подожди», она, закрыв телефон рукой, пытливо взглянула на мужа. Федор, скидывая туфли, сказал:

– Меня уволили, деньги отняли грабители.

Жена поджала губы, бросив: «Котлеты в сковороде, хлеба нет», ушла на кухню.

Федор переоделся в домашнюю одежду, прошёл в гостиную, щёлкнув пультом, лёг на диван. На экране шла дискуссия о правах геев. «Боролись» двое, оба немолодые, ухоженные. Один говорил о немыслимых страданиях сексуальных меньшинств, живущих под игом злобных гомофобов, другой слабо отбрыкивался. Ведущий, нервно потирая руки, радовался, как дитя. «Оба голубые, – пробормотал Фёдор, – да и ведущий нежненький». Глаза его стали смыкаться и он под бормотание телевизора задремал.

Дёрнувшись, как от удара тока, он через некоторое время открыл глаза, проговорив ошалело:

– На работу? Встаю, встаю.

Часы показывали четверть двенадцатого. Через минуту он понял, почему проснулся: над его головой натужно ворчал перфоратор. Фёдор лежал, глядя в потолок долгие десять минут, – перфоратор работал. После, резво вскочив с дивана, он сходил на балкон, взял стремянку, и вернулся с ней в прихожую. Взобравшись на стремянку, пошарив рукой в глубине антресоли, он нащупал полотняный мешочек, взял его и прошёл с ним в туалет. Сев на унитаз, он развязал мешок и достал из него пистолет. Это был «Вальтер», трофейный, не сданный его дедом властям. Его хранил отец Фёдора, хотел сточить боёк, тянул с этим, умер, оставив оружие сыну. Пистолет был смазан, полная обойма была при нём.

– Ты куда? – спросила жена, когда Фёдор набрасывал на себя куртку.

– Душно мне, подышать схожу, – ответил он и вышел из квартиры. Он поднялся на следующий этаж и позвонил в дверь. Перфоратор умолк, тихие шаги прошлёпали к двери, глазок затемнился. Фёдор приложил ствол к глазку и выстрелил. Выстрел эхом метнулся по этажам, открылась соседняя дверь, пожилая женщина испуганно спросила у него:

– Что за грохот?

Он, улыбаясь, навёл на неё пистолет, сказав: «Пуф-ф». Женщина испуганно захлопнула дверь.

Жена стояла в прихожей, она плакала.

– Зачем, Федя? – прошептала она.

– Стечение обстоятельств, – пробормотал он, прошёл в гостиную, свалился на диван и в один миг заснул. Во сне он улыбался. Снилась ему старая дача, покойная бабушка Варя в цветастом фартуке и сползших на нос очках. Она в медном тазике варила малиновое варенье, а он, пятилетний, сидел за столом и с аппетитом поглощал пенку от варенья с горячей ватрушкой.